

Марина Васильевна РУМЯНЦЕВА¹

УДК 811.161.2

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет (г. Екатеринбург)
m.rumjanzewa@rambler.ru

Аннотация

Последние несколько десятилетий актуальным стало изучение культуры через язык, потому что языковой материал дает ученым богатейшую информацию о мире и о человеке в нем. Разные проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, изучает наука лингвокультурология. Данная статья выполнена в русле сравнительной лингвокультурологии, исследующей лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов — русского и казахского, что придает исследованию определенную новизну. Целью данного исследования явилось описание внутреннего мира человека, его чувств и эмоций в процессе лингвокультурологического анализа культурных кодов, которыми этот мир представлен. Исследование выполнено на материале художественных текстов русских и казахских авторов.

В статье дается определение понятия «культурный код». Проведен анализ образных (метафоричных) сравнений, которые, наряду с метафорой и метонимией, являются одним из способов создания вторичного мира. Компоненты образного сравнения представляют собой разнопорядковые элементы. А способность человеческого сознания соотносить явления из разных сфер окружающего мира лежит в основе системы культурных кодов.

В рамках данного исследования выявлено, что основными культурными кодами, возникающими в русском и казахском художественном дискурсе при описании внутреннего

Цитирование: Румянцева М. В. Внутренний мир человека в свете культурных кодов (на примере русского и казахского художественного дискурса) / М. В. Румянцева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 3 (19). С. 52-65.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-52-65

мира человека, являются природный и биоморфный. Сделан вывод о том, что наличие лексем природного и биоморфного культурных кодов в сравнениях человеческих чувств и эмоций отражают архетипические представления человека о природе. Это означает, что в сознании современного человека до сих пор существует неразрывная связь между субстанциями «человек» и «природа»: человек есть составляющая часть природы, а природа отражается во внутреннем мире человека.

Ключевые слова

Лингвокультурология, культура, язык, культурный код, метафоричное сравнение.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-52-65

Введение

Культура есть базовое понятие для лингвокультурологии. В широком смысле слова культура понимается как мировоззрение социума. Свое знаковое выражение культура находит в языке. С помощью знаков язык хранит и воспроизводит культуру, отображает и конструирует мир, формируя концепты, стереотипы, ценности. Хотя язык и культура — это две разные семиотические системы, они тесно связаны между собой. Как полагает С. Г. Тер-Минасова, язык не существует вне культуры, и его можно рассматривать как зеркало культуры, кладовую культуры, носителя и орудие культуры, а менталитет, ценности, заложенные в нем, формируют личность человека — представителя национальной культуры [19].

Как знаковая система понятие «язык» находится в тесной взаимосвязи с важным для культурологии понятием «код». Правила его понимания «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора» [9, с. 19]. Это значит, что код возникает и функционирует в культуре, следовательно, можно говорить о существовании кодов культуры, или культурных кодов. Американский психоаналитик К. Рапай определил культурный код как культурное бессознательное — то, что формирует систему образов, связанных в нашем сознании с каким-либо понятием [13, с. 57]. В последние годы многие лингвисты занимаются изучением и описанием кодов культуры. Под культурным кодом Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова понимают систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов, которые «прочитываются» в этих знаках [2, с. 9]. Наиболее известным является определение В. В. Красных, которая рассматривает код культуры как «„сетку“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [8, с. 232]. Мы в нашей статье будем придерживаться точки зрения В. Н. Телия, которая понимает под культурными кодами вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума [18]. Изучение культурного кода остается одним из основных ключей к пониманию сущности как отдельного человека, так и этноса в целом.

Основная часть

Итак, в основе системы кодов культуры, создающих «систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [7, с. 146-148], лежит способность человеческого сознания соотносить явления из разных сфер окружающего мира. Вторичный смысл возникает в процессе интерпретации человеком фактов в их отстранении от предметной действительности. Но это отстранение снова конкретизируется через соизмерение с метафоричным восприятием каких-то особенностей этого мира со стереотипами, имеющими место быть в данной культуре. В нашей статье мы обратимся к образному (метафоричному) сравнению, которое, наряду с метафорой и метонимией, является одним из способов создания вторичного мира. Компоненты метафоричного сравнения представляют собой элементы из разных сфер действительности. Их сопоставление имеет характер не сравнения, при котором определяется их сходство или различие, а уподобления одного элемента другому по определенному признаку.

В рамках данного исследования будет рассмотрено, какие культурные коды возникают в русском и казахском художественном дискурсе при описании внутреннего мира человека. Единой классификации кодов культуры в современной науке нет и, наверное, быть не может, т. к. лингвисты по-разному подходят к принципам классификации. За основу нами взяты те коды, которые соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека: антропоморфный, биоморфный, природный, соматический, предметный, мифологический.

Внутренний мир человека, имеющий яркую субъективную окраску, находит вербальное отражение в художественном дискурсе, в том числе в форме образного сравнения. Под гиперонимом *душа* мы будем понимать внутренний мир человека, а также сложный мир эмоций и чувств, т. е. эмоциональное отношение человека к тому, что он видит и слышит, представляет себе, о чем думает и говорит, что делает, к чему стремится. Это отношение переживается субъективно как приятное или неприятное. Чувства и эмоции имеют отпечаток общественного развития, они социально и культурно обусловлены. Наименования чувств и эмоций, встретившиеся нам в художественных текстах русских и казахских писателей, мы классифицировали и, позаимствовав у психологов Женевское колесо эмоций [20], которое мы адаптировали под наше исследование, представили их на рис. 1.

Анализ показал, что самым продуктивным для создания метафоричного сравнения в русском и казахском художественном дискурсе является природный код культуры. Еще во времена язычества воззрения и системы культов древних славян и тюрков зиждились на обожествлении сил природы и одухотворении природных стихий. Человек осознавал себя частью мироздания, понимал свою зависимость от сил природы, желал жить в гармонии с ней. Ключевыми были языческие культы солнца, воды, огня, воздуха и земли. В них заключалась идея высшей силы и мудрости природы, вечности бытия. Сознание современного человека хранит память о верованиях предков, что находит свое отражение в выборе языковых средств при описании эмоционального состояния человека.

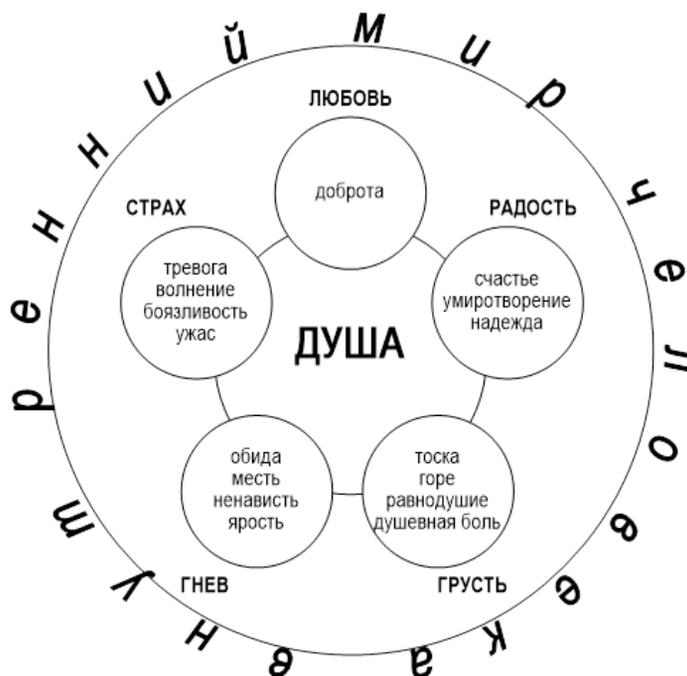

Рис. 1. Чувства и эмоции человека

Fig. 1. Human feelings and emotions

В художественных текстах встречаем лексемы, репрезентирующие все стихии и их проявления. На первом месте по частоте употребления в роли агента сравнения находится вода. Вода — стихия спокойствия, умиротворения, мудрости, изменчивости, плавности, труда и созидания. Это стихия, обладающая особой чистотой, женская первооснова всего живого, неиссякаемый источник жизни, дающий животворящую силу земле. Наверное, поэтому возникает сравнение *любовь* — *вода*. Представление о том, что любовь, пройдя через жизненные перипетии, лишь набирает силу и крепнет, вызывает к жизни ассоциацию *любовь* — *ручей*, например: *...любовь, вытекающая из цветущего сада, как ручей, — ручей любви, претерпев необходимые испытания, должен прийти в океан...* (Пришвин. Незабудки). Очень развита тема стоячей или текущей воды. Стоячая и текущая вода четко разделяются, и им придается совершенно разный смысл: *Так и любовь у людей: большая обнимает весь мир, от нее всем хорошо. И есть любовь простая, семейная, ручейками бежит в ту же прекрасную сторону. И есть любовь только для себя, и в ней человек тоже, как стоячая вода* (Пришвин. Незабудки). Земледельцы-славяне почитали небесную воду (дождь), считали ее подарком богов. Дождь — это влага с мужским началом, дающая жизнь всему растительному миру на земле: *Животным, от букашки до человека, самая близкая стихия — это любовь, а растениям — вода: они жаждут ее, и она к ним приходит с земли и с неба, как у нас бывает земная любовь и небесная...* (Пришвин. Незабудки).

Издравле жизнь людей была связана с земной водой. Наши предки селились вдоль рек, по которым проходили торговые пути, устраивали святилища на берегах озер, источников, верили в водяных духов. Реки, озера, родники, колодцы почитались и одухотворялись. По представлениям древних людей, вода всё знает, всё хранит, всё может. В этой связи возникает сравнение *радость — вода*. С рекой сравнимо такое состояние свежей и тихой радости, как умиротворение: *Обратный путь она сделала со свежей душой, в настроении мирном и ясном, подобно вечерней речке, сменившей, наконец, пестрые зеркала дня ровным в тени блеском* (Грин. Алые паруса). Стихия воды воспринимается двойственно. Это проявляется в образах живой и мертвой воды, известных нам по сказкам. За живой и мертвой водой сказочный герой должен идти из человеческого мира, в котором происходит действие сказки, в мир чужой, в тридевятое царство — тридесятое государство, а это почти то же самое, что потусторонний мир: *Никто в природе так не затмевается, как вода, и только перед большой и радостной зарей бывает так на сердце человека: притаишься, соберешься, и как будто сумел, достал себя из той глубины, где есть проток в мир всеобщего родства, зачерпнул там живой воды и вернулся в наш человеческий мир...* (Пришвин. Лесная капель).

Второе место занимает стихия огня. С большим уважением славяне и турки относились к огню, считали его основой жизни, мужской животворящей сущностью земли. Огонь — стихия активности, разрушения, изменения, необузданности, творчества и войны. Все напряженные психические состояния представляются человеку огнем и изображаются в языке лексемами *огонь* или связанными с ним проявлениями: *вспыхнуть, сгореть, погаснуть* и др. В текстах находим образные сравнения *горе — огонь, радость — огонь, обида — огонь, месть — огонь*, например: *Оказалось, что в этом краю болот, чахлах лесов, туманов и безлюдья тлеет, не погасая, подобно длинным здешним закатам, огонь мести и обиды* (Паустовский. Далекие годы). Символика огня имеет двойственный характер. С одной стороны, это стихия очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощающего активное начало, с другой — образ грозного, яростного, мстительного пламени и удушающего дыма, грозящего уничтожением и смертью. Поэтому понятны имеющиеся в текстах ассоциации *ненависть — пламя, ярость — лава, страх — дым*, например: *...комолая голова словно опустела... И тогда ярость, будто лава из вулкана, забила в нем* (Бокеев. Кербугу — серый олень); *От безликих существ... исходил страх... Он как дым, проникал с улицы в комнату, мешал дышать днем и заснуть ночью* (Алексеев. Дива). Образ извергающегося вулкана для изображения выплеска негативных чувств используется в художественной литературе довольно часто.

Самая подвижная из всех природных стихий — это воздух. Она ни секунды не может оставаться в бездействии. Это стихия изменения, перемещения, непостоянства, бесформенности, отсутствия твердости и основы. Эта стихия соединена с пустотой, движением и проникновением. Владыкой просторов, ветров, гроз, бурь и ураганов у славян был Стрибог. Это прямое проявление Рода Всевышнего, с помощью которого он вдыхает дух жизни во все живое на земле.

Стихия воздуха представлялась нашим предкам целой семьей ветров, Стрибожьих внуков. Некоторые из них обладают разрушительной силой (**тоска — ветер**): *Она [тоска] бьет в сердце, как сырой стремительный ветер* (Паустовский. Романтики). Но не стоит отбрасывать и созидательную силу других ветров. В большинстве сказаний, преданий и былин ветер выступает помощником во многих делах. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что ветер в сознании русского человека чаще имеет положительную коннотацию, чем отрицательную, т. к. он приносит хорошие перемены в жизнь человека (**радость — ветер**): *Бурно было, металось и стенало сердце в радости, подобно ветру апрельскому* (Федин. Конец мира). Воздух — это нечто обыденное, простое; и в то же время жить без него человек не может, равно как без солнечного света и воды — физически, а без любви — духовно. Поэтому находим сравнение **любовь — воздух** и **любовь — солнечный свет**, например: *Даже любовь, простая, как воздух, и безусловная, как солнечный свет, порой уступала место потоку событий...* (Паустовский. Начало неведомого века).

Земля — стихия постоянства, спокойствия, нерушимости, твердости, неизблемости, упорства, стабильности, надежности. Наши предки почитали планету Земля как великую мать. Землей клялись, отправляясь в далекий путь, брали с собой горсть родной земли как оберег. К стихии земли относятся все минералы, песок, ископаемые, камни, скалы, горы и т. д. О высоком чувстве, заметном каждому, говорит сравнение **любовь — горный перевал**, например: *Любовь — как горные перевалы: видно на сотни верст* (Паустовский. Романтики). Хотя наши предки поклонялись и горам, и камням, видя в них опору, основу мира и символ мировой горы, в сознании человека горы и камни всегда выступали эталоном тяжести, избыточности (**душевная боль — гора, обида — камень**): *Потом эти невыплаканные слезы легли на меня такой тяжестью, будто вся гора Давида навалилась мне на грудь и дает дышать только в одну сотую дыхания* (Паустовский. Бросок на юг); *...в памяти многих почему-то остались одни лишь обиды, тяжелые, как камни* (Алимкулов. Серый ястреб). Представление о Земле как о живом существе позволяет наделять любой ее рельеф человеческими качествами; она может радоваться, улыбаться, страдать, корчиться от ужаса (**ужас — горы**): *В больших горах, как на Кавказе, всюду остались следы титанической борьбы и событий в жизни земной коры, похожие на страдания и гримасы ужаса на лице человеческого* (Пришвин. Лесная капель).

В солнце наши предки видели владыку неба, земли и людей. Люди верили, что от солнца зависят все природные явления на земле, погода и урожай. Солнце также считали защитником добрых людей, сирот и покровителем семейного счастья. Верили, что солнце наказывает злых людей. К солнцу обращались с молитвой каждый день в надежде на его благосклонность и помощь в беде или болезни. Отсюда сравнение **надежда — отблеск солнца**, например: *Она [надежда] проникала в сознание, как отблеск солнца сквозь тяжелые тучи зимнего одесского неба* (Паустовский. Время больших ожиданий).

Зачастую авторы художественных произведений выбирают в качестве агента сравнения не отдельный объект, а сложное описание картин природы, созда-

вая тем самым яркие образы такого сложного чувства, как счастье (*счастье — природа*): *Шум, утро, его свежие брызги, высокие переливы птичьей переклички, качающиеся мокрые ветки, воздух, щедро пролитый с неба, и запахи — всё это было, безусловно, счастьем, но медленным, спокойным и верным* (Паустовский. Бросок на юг). Для человека, умеющего любить и понимать природу, счастьем является само пребывание в этом прекрасном мире.

В сознании этноса находит отражение географическая среда. Г. Т. Тавадов совершенно верно отмечает: «Некоторые элементы ландшафта либо в виде зрительных образов, либо в сочетании с топонимикой становятся своего рода символами этнической принадлежности. <...> Образы родной земли становятся не только частью нашей жизни, на них строятся наши мысли и чувства, прямо с природой не связанные» [17, с. 80, 89]. Так, длительное пребывание казахов в степи отразилось не только на материальной и духовной культуре, но и нашло свое отражение в языке, в менталитете народа. Степь — самая частотная лексема среди объектов сравнения. Она является мерилем эмоций и настроения человека. С бескрайней степью сравнима грусть (*грусть — степь*): *Тяжело было видеть, как любимая томится грустью, такой же бескрайней, как и степь, в которой они живут* (Шаймерденов. Перелетные птицы). Казахское сознание с выжженной степью ассоциирует состояние равнодушия, опустошенности (*равнодушие — степь*): *На душе у него было пусто, как в осенней, выжженной солнцем, пожелтевшей степи* (Досжанов. Лодочник).

Вторым, не менее продуктивным кодом для описания чувств и эмоций человека является код биоморфный, который представляет собой совокупность наименований животного и растительного мира. В нем собраны представления людей о растениях и животных, а также об их портативных элементах как об эталонах, стереотипах определенной культуры. При проведении лингвокультурологического анализа мы воспользовались иерархической моделью биоморфного кода, представленной Л. В. Савченко [16]. В биоморфном коде выделяются две большие группы: зооморфный код (объединяет объекты животного мира) и фитоморфный код (включает в себя объекты растительного мира). Каждый из них, в свою очередь, подразделяется на субкоды.

Териологический субкод зооморфного кода, реализуемый номинативами животных, представлен в русских и казахских текстах прежде всего лексемами *собака (пес)* и *котенок*. Мы уже писали, что количество сравнений с агентом *собака* значительно выше, чем сравнений с названиями других животных [14]. Этот факт свидетельствует об уважительном отношении человека к своему верному другу, который первым побежал за ним по пути цивилизации [10, с. 225]. В произведениях русских и казахских писателей находим как сравнения-мелиоративы (положительные), так и сравнения-пейоративы (отрицательные), но первых больше в силу полезной роли собаки в современном хозяйственном укладе казахов и русских. Преданность собаки человеку, ее умение радоваться своему хозяину известны давно. Поэтому возникает сравнение *радость — собака*, например: *Молодой собакой прыгала в груди моей радость* (Пришвин.

Лесная капель). Однако человек так привык к близости собаки, что зачастую несправедливо грубо обращается с ней, не ценит счастья верной дружбы (**счастье — собака**): ...счастье, когда оно есть, никогда не ценишь, как не ценишь верного пса у порога, которого, случается, пинаешь в морду и вспоминаешь лишь тогда, когда на твоих овцах нападают волки (Кекильбаев. Теплый снег). С одиноким псом сравнима душа одинокого человека, преданного и брошенного всеми (**душа — пес**): Только душа ноет, воет, скулит, как одинокий пес на заброшенном становище (Кекильбаев. Купы джиды). И даже ненависть, чувство, которое воспитанному человеку приходится прятать в себе, сравнимо с запертой собакой (**ненависть — собака**): Временами я ненавижу всех. <...> Желчь скребется в душе, как запертая собака (Паустовский. Романтики).

Лексема *котенок* неизменно вызывает в душе человека лишь положительные эмоции. Наличие в текстах сравнений **счастье — котенок** и **радость — котенок** вполне оправданы тем, что кошки как домашние животные призваны доставлять радость человеку: *Счастье сидело в ней пушистым котенком* (Грин. Алые паруса); *Радость спала на душе, свернувшись теплым пушистым котенком...* (Паустовский. Романтики.)

Орнитологический субкод зооморфного кода (наименования птиц) находит свое отражение в лексемах *голубь*, *воробей* и *куропатка*.

Голубь — древний символ чистоты, Божья птица, которая несет только хорошие вести, символизирует душу, духовную любовь, милосердие в христианстве. Голубь приносит радость и счастье в семью. Все сравнения с агентом *голубь* в русских текстах носят только мелиоративную окраску. В анализируемых текстах встречаем сравнение **радость — голубь**, например: *Голубем встрепенулась радость в груди...* (Пришвин. Мирская чаша).

Разные ассоциации возникают в сознании русских и казахских авторов при описании чувства страха. У А. Толстого **страх — воробей**, например: ...у нее было чувство воробья, залетевшего в тысячеколесный механизм башенных курантов. Она поджала хвост (Толстой. Гадюка). С. Шаймерденов знает более пугливую птицу — куропатку (**волнение — куропатка**): *Сердце бешено заколотилось в груди, как пойманная куропатка* (Шаймерденов. Перелетные птицы).

Для описания человеческих чувств в текстах используется и субкод инсектологический, содержащий наименования насекомых. Он реализуется номинативами *пчела*, *пчелиный улей*, *клещ* и неопределенно-обобщающей лексемой *жучок-паучок*.

Необыкновенно многогранным символом является пчела. Она олицетворяет целомудрие, трудолюбие, чистоту, порядок. В христианской традиции пчела была символом неба и звезд; считалось, что она на стороне бога принимала участие в сотворении мира. Видимо, в найденном нами сравнении **любовь — пчела** имеет место понимание любви как божественной: *Пчела для цветов вроде как любовь, которая снисходит, слетает, посещает в определенное мгновение* (Солоухин. Мед на хлебе). С пчелиным ульем тоже связаны положительные символические смыслы: идеальный порядок в обществе, гармония,

мудрость. Счастлив тот, чья *душа* — *пчелиный улей*, например: *Но душа его представляла собой совершеннейший пчелиный улей с гармоническим пением пчел...* (Пришвин. *Лесная капель*). А вот в образе некоего неопределенного жучка-паучка, кусающего прямо в сердце, в казахском сознании представляется страх (*страх* — *жучок-паучок*): *От этой страшной догадки становится не по себе, будто какой-то жучок-паучок покусывает-жалит материнское сердце* (Кекильбаев. *Теплый снег*). В образе клеща-кровопийцы, намертво вцепляющегося в свою жертву, представлено в русской литературе чувство боязливости (*боязливость* — *клещ*): *Низкая неврастичная боязливость впиалась в нее, как клещ в собачье ухо: оторвешь его, останется головка, и он опять вырастет в целое гнусное насекомое* (Куприн. *Река жизни*).

Самым немногочисленным является герпетологический субкод, объединяющий номинации пресмыкающихся. Среди агентов сравнения казахских писателей нам встретилась лексема *змея*. У казахов двоякое отношение к змее. С одной стороны, в мифологии предказахов наблюдаем культ змеи, которой приписывается роль покровителя, обладающего тайными знаниями [6, с. 257]. С другой стороны, казахи знают, что змея — опасное животное, встреча с которым всегда заставляет волноваться. Отсюда сравнение *тревога* — *змея*, например: *Тревога змеей вползла в сердце Шахана, когда он услышал, как где-то вдалеке заржала лошадь* (Магауин. *Шахан-шер*).

Фитоморфный код культуры присутствует при описании чувственного мира человека только в русских текстах. Он выражен двумя субкодами: герботологическим и дендрологическим. Герботологический субкод, вбирающий в себя название трав и цветов, представлен одной лексемой *цветок* (*цветы*), самой важной для продолжения жизни растения частью, яркой и привлекательной. Эти прекрасные творения природы вызывают у людей только позитивные эмоции. Созерцание цветов оказывает влияние на ощущение человеком счастья. Поэтому в художественных произведениях возникает ассоциативный ряд: *любовь* — *цветок, радость* — *цветок, доброта* — *цветок, душа* — *цветок*. Иногда автор уточняет сравнение конкретным названием растения, его цветом, другими особенностями: *А любовь — настоящая, светлая и простая, как любой дикий цветок, как вот этот белый и скромный терн, — придет обязательно* (Паустовский. *Песчинка*). Но зачастую писателю достаточно употребить обобщенную лексему *цветы*, чтобы в воображении читателя возник яркий образ абстрактной сущности, такой как душа или доброта: *Моя душа была тогда, как северные цветы, переполнена медом несознанного таланта...* (Пришвин. *Заполярный мед*).

Номинация дерева *липа* (*липовый цвет*) представляет дендрологический субкод, который объединяет названия деревьев. Липа прочно вошла в славянскую культуру. Славяне почитали липу как дерево-мать, как священное дерево, потому что липа давала им всё необходимое. Из липового лыка наши предки плели лапти. Из податливой древесины липы вырезались посуда, музыкальные инструменты и многие необходимые для крестьянской избы предметы обихода. На липовой доске писались иконы. Под липами славяне водили хороводы, ко-

торые посвящались липовому цвету, аромату и меду. Память об этом заставляет писателей создавать сравнения *счастье — липа* и *надежда — липовый цвет*, например: *Я смотрю на ее [липы] бескорыстное служение людям, и у меня, как душистый липовый цвет, распускается надежда: может, когда-нибудь и я вместе с ней процвету* (Пришвин. Фацелия).

Заключение

Всё, что существует во вселенной, весь окружающий человека зримый вещественный мир есть природа, которая подразделяется на мир неорганический и органический (флора и фауна). Идентификация человеком своих чувств и эмоций с миром животных существует как результат тысячелетнего исторического культурного опыта, корни которого уходят в глубокое прошлое. Сравнения внутреннего мира человека с различного рода растениями свидетельствуют об олицетворении растительного мира, в основе которого лежит архетип растения-тотема, имеющегося у многих народов мира.

Выбор явлений или предметов для создания образов сравнения обнаруживает разные стороны исторического развития этноса, его культуры. При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексем получает то, что имеет важное значение в жизни отдельного человека или целого этноса, что представляет ценность для него. Семантическая плотность определенной тематической группы слов, детализация номинативов, наличие смысловых нюансов — всё это признаки лингвистической ценности объекта действительности, будь то предмет, процесс или явление.

Таким образом, наличие лексем природного и биоморфного культурных кодов в сравнениях человеческих чувств и эмоций отражают архетипические представления человека о природе. Это позволяет сделать вывод о том, что в сознании современного человека до сих пор существует неразрывная связь между субстанциями «внутренний мир человека» и «природа». Внутренний мир есть составляющая часть природы, а природа отражается во внутреннем мире человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая аруана. Казахские рассказы. М.: Художественная литература, 1976. 471 с.
2. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2007. 238 с.
3. Досжанов Д. Серебряный караван: повести и рассказы / Д. Досжанов. М.: Художественная литература, 1985. 400 с.
4. Караван выходит на рассвете: казахские исторические повести. Алма-Ата: Жазушы, 1989. 432 с.
5. Кекильбаев А. Мартовский снег: повести и рассказы / А. Кекильбаев. Алма-Ата: Жазушы, 1985. 264 с.

6. Кондыбай С. Мифология предказахов. Книга 3 / С. Кондыбай; пер. с каз. яз. З. Наурзбаевой. Алматы: СаГа, 2008. 436 с.
7. Красных В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве / В. В. Красных // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 146-148.
8. Красных В. В. Энопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
9. Маслова В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры / В. А. Маслова // Лингвистика. 2010. № 2 (20). С. 19-30.
10. Орел В. Е. Культура, символы и животный мир / В. Е. Орел. Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 592 с.
11. Паустовский К. Собрание сочинений: в 8 т. / К. Паустовский. М.: Художественная литература, 1968.
12. Пришвин М. Собрание сочинений: в 6 т. / М. Пришвин. М.: Художественная литература, 1957.
13. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай; пер. с англ. У. Саламатова. М.: Альпина Паблишер, 2015. 168 с.
URL: <https://topreading.ru/bookread/3247-kloter-rapai-kulturnyi-kod>
14. Румянцева М. В. К проблеме отображения объективной реальности в языковой образности / М. В. Румянцева // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 190-195.
15. Русская проза первой половины XX века: в 2 т. М.: Дрофа, 2003.
16. Савченко Л. В. Иерархическая модель биоморфного кода культуры / Л. В. Савченко // Культура народов Причерноморья. 2014. № 273. С. 170-172.
17. Тавадов Г. Т. Этнология: учебник / Г. Т. Тавадов. М.: Дашков и К, 2009. 408 с.
18. Телия В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
19. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. М., 2000.
20. Siegert I. Appropriate emotional labelling of non-acted speech using basic emotions, geneva emotion wheel and self-assessment manikins / I. Siegert, R. Böck, B. Vlasenko, D. Philippou-Hübner, A. Wendemuth // Multimedia and Expo (ICME), 2011 IEEE International Conference. Pp. 1-6.

Marina V. RUMYANTSEVA¹

UDC 811.161.2

**THE INNER WORLD OF HOMO IN THE LIGHT
OF CULTURAL CODES REPRESENTED
IN RUSSIAN AND KAZAKH LITERARY DISCOURSE**

¹ Cand. Sci. (Phylol.), Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University (Yekaterinburg)
m.rumjanzewa@rambler.ru

Abstract

The last several decades saw the growing relevance of studying culture through language because latter provides researchers with information about the world and a person's place within it. All these different manifestations of human culture, reflected and fixed in the language, are studied by linguoculturology.

This article explores the linguocultural manifestations of different yet interrelated ethnic groups — Russian and Kazakh. The purpose of this study was to describe the inner world of a person, his or her feelings and emotions in the process of linguocultural analysis of cultural codes by which this world is represented. The study was performed on the material of fictitious texts of Russian and Kazakh authors.

The author defines the notion “cultural code” and analyzes figurative (metaphoric) comparisons, which, along with metaphor and metonymy, are one of the ways to create a secondary world. The components of the figurative comparison belong to different orders, while the ability of human consciousness to correlate phenomena from different spheres of the surrounding world lies at the heart of the system of cultural codes.

The results show that the main cultural codes arising in the Russian and Kazakh fiction in describing the inner world of homo, belong to natural and biomorphic codes. The author concludes that the presence of natural tokens and biomorphic cultural tokens in comparisons of human feelings and emotions reflect the archetypal ideas of people about nature. This

Citation: Rumyantseva M. V. 2019. “The Inner World of Homo in the light of Cultural Codes Represented in Russian and Kazakh Literary discourse”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 3 (19), pp. 52-65.
DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-52-65

means that in the consciousness of a modern person there is still an inextricable link between the substances “the inner world of human” and “nature”. The inner world is an integral part of the nature, which is reflected in the language and culture.

Keywords

Linguaculturology, culture, language, cultural code, metaphorical comparison.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-52-65

REFERENCES

1. Khudozhestvennaya literature. 1976. White Aruana. Kazakh Tales. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
2. Gudkov D. B., Kovshova M. L. 2007. The Body Code of the Russian Culture. Moscow: Gnosis. [In Russian]
3. Doszhanov D. 1985. Silver Caravan: Stories and Stories. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
4. Zhazushy. 1989. The Caravan Comes Out at Dawn: Kazakh historical Stories. Alma-Ata: Zhazushy. [In Russian]
5. Kekilbaev A. 1985. March Snow: Stories. Alma-Ata: Zhazushy. [In Russian]
6. Kondybay S. 2008. Mythology before the Kazakhs. Almaty: SaGa. [In Russian]
7. Krasnykh V. V. 2003. “The subject code of culture in the Russian cultural space”. In: Russian Studies on the Threshold of the 21st Century: Problems and Prospects, pp. 146-148. Moscow. [In Russian]
8. Krasnykh V. V. 2002. Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics: A Course of Lectures. Moscow: Gnosis. [In Russian]
9. Maslova V. A. 2010. “National values and language: spiritual code of culture”. *Lingvistika*, no 2 (20), pp. 19-30. [In Russian]
10. Orel V. E. 2013. Culture, Symbols, and Wildlife. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr. [In Russian]
11. Paustovskiy K. 1968. Collecte Works in 8 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
12. Prishvin M. 1957. Collected Works in 6 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
13. Rapaille C. 2015. The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People around the World Live and Buy as They Do. Moscow: Alpina. <https://topreading.ru/bookread/3247-kloter-rapai-kulturnyi-kod> [In Russian]
14. Rumyantseva M. V. 2014. “To the problem of the objective reality reflection in the linguistic imagery”. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 7 (336), pp. 190-195. [In Russian]
15. Drofa. 2003. The Russian Prose of early 20th century in 2 vols. Moscow: Drofa. [In Russian]

16. Savchenko L. V. 2014. "Hierarchical model of biomorphic culture code". *Kultura narodov Prichernomorya*, no 273, pp. 170-172. [In Russian]
17. Tavadov G. T. 2009. *Ethnology*. Moscow: Dashkov and K. [In Russian]
18. Teliya V. N. 1996. *Russian Phraseology*. Moscow: Yazyki russkoy kultury. [In Russian]
19. Ter-Minasova S. G. 2000. *Language and Intercultural Communication*. Moscow. [In Russian]
20. Siegert I., Böck R., Vlasenko B., Philippou-Hübner D., Wendemuth A. 2011. "Appropriate emotional labelling of non-acted speech using basic emotions, geneva emotion wheel and self-assessment manikins". *Multimedia and Expo (ICME)*, IEEE International Conference, pp. 1-6.